

Коррупция и её роль в России

Чиновники, взятки, подкуп,
заносы, откаты, капканы,
смазка.

Чтобы не голословно представить проблемы коррупции и не оторваться от российского фона, ниже приведён отрывок из удивительного по мыслям и по форме письма, которое написано более 200 лет назад, в 1798 году (ниже цитируется по Н.Я. Эйдельман «Герцен против самодержавия», «Мысль», 1984, стр.36). Хотя автор письма, по современным меркам совсем ещё молодой человек, ему 21 год, он, как видно по письму, прекрасно образован. Имя его Александр, он – сын правившего в то время императора Павла I, романтического, но подозрительного самодура, опасного для всего его окружения, в том числе и для жизни сына. Рассказав в «Былом и думах» об одной из удивительных резолюций Павла, Герцен заключил: «Павел был поэт и диалектик самовластья!» Далее, письмо Александра.

«Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места....и которые, будучи надменными с низшими, пресмыкаются перед теми, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рождён для того высокого сана, который ношу теперь, и ещё менее для предназначенного мне в будущем и от которого я дал клятву отказаться тем или иным образом....В наших делах господствует невероятный беспорядок, грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, – а империя, несмотря на то, стремится к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нём злоупотребления?»

Через 3 года Александр косвенно согласился, чтобы гвардейские заговорщики устранили с престола его отца; это устранение

случайно или нарочно приняло форму убийства, и в результате он сам стал императором, Александром I.

В качестве императора он ввёл заметные улучшения в управление государством и в систему образования, но на серьёзные реформы не решился, и они 50 лет ждали воцарения следующего Александра, Александра II.

При временном попустительстве Наполеона, почти властителя континентальной Европы, он расширил пределы империи на Запад, затем от напавшего на него Наполеона оборонился, победил его и сам стал властвовать над Европой. (Любопытно сопоставить: через 130 лет похожий путь прошли Гитлер со Сталиным).

Приблизительно через двадцать лет после цитированного письма, видимо, смирившись с невозможностью провести дальнейшие улучшения в стране, уродливость которой была столь выразительно описана им в молодости, и маясь своей виной в гибели отца, он заметно устранился от дел и не решился принять меры против зревшего в стране заговора дворянства в пользу приблизительно тех перемен в стране, которые он не посмел сделать. Сразу после смерти Александра I этот заговор привёл в декабре 1825 года к неудачному восстанию.

Жизнь Александра I удивительно богата удачами (изгнание Наполеона и *расширения пределов империи*), осложнена бесчисленными его компромиссами и печальна осознанием невозможности даже для самодержца вести тёмный народ к прогрессу вопреки большинству своих приближённых и всего дворянства.

За смертью Александра I последовало 30-летнее грубо самодержавное правление его младшего брата Николая I, показательно завершившееся поражением России в Крымской войне. Под впечатлением вскрытой войной отсталости России, верхи наконец созрели до давно необходимых реформ, и в течение несколько лет сын Николая I, новый император Александр II, их провёл

(важнейшие: прекращение крепостной зависимости крестьян, судебная реформа, права земства).

Приблизительно во время этих же реформ, в 1860-х годах, невольный знаток российского правосудия Ал-р Вас. Сухово-Кобылин создал три пьесы: «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина». Пьесы отразили современное ему положение в стране; они вместе с тем замечательны своей вневременной актуальностью и резкостью формы, особенно две последних; по ним поставлены многочисленные спектакли.

В пьесе «Дело» один из персонажей, темпераментно советуя другому откупиться, излагает любопытную классификацию взяток.

"Взятка взятке рознь: есть сельская, так сказать, пастушеская, аркадская взятка; берется она преимущественно произведениями природы и по стольку-то с рыла; – это еще не взятка.

Бывает промышленная взятка; берется она с барыша, подряда, наследства, словом, приобретения, основана она на аксиоме – возлюби ближнего твоего, как и самого себя; приобрел – так поделись. Ну и это еще не взятка.

Но бывает уголовная или капканная взятка, – она берется до истощения, догола! Производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов, помощью и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый... Такую капканную взятку хотят теперь взять с вас; в такую волчью яму судопроизводства загоняют теперь вашу дочь. Откупитесь! Ради Бога, откупитесь!.. С вас хотят взять деньги – дайте! С вас их будут драть – давайте!.."

Сельская взятка мыслится здесь как подношение. В кругу чиновников она приобрела ещё и вид, как теперь выражаются, заноса:

получивший взятку, делится с начальством, с коллегами, заносит им.

Промышленная взятка сегодня особенно актуальна в виде отката: получивший выгодный казённый заказ, делится с чиновником, организовавшим этот заказ, как бы благодарит чиновника за то, что тот назначил избыточное финансирование заказа и дал заказ именно ему.

Капканная взятка – совсем иное: с целью получения взятки или выполнения какого-то неблагоприятного действия расставляется капкан с привлечением правоохранительной системы и с угрозой бесчестьем, разорением или тюрьмой.

В оригинальный капкан лет 10 назад, судя по прессе, попал российский министр. Он мешал некому очень важному лицу проверить невыгодную для государства крупную финансовую операцию. Ему подсунили сумку с какими-то будто бы незначительными подарками, а на самом деле с крупной суммой денег, затем организовали досмотр этой сумки «органами», и министр сел в тюрьму. За упрямство, надолго.

Система воровства, взяточничества сегодня называется коррупцией. К этой системе примыкает так называемый nepотизм, т.е. назначение на должность, поручение выгодного заказа и т.п. во имя дружеских или родственных связей или просто по принципу «ты мне, я тебе».

(Заметим, что обычная в любом обществе любезная рекомендация о предоставлении человеку какого-то места службы вовсе не является nepотизмом. Вот пример: в 1961 году меня пригласили в институт «Теплоэлектропроект» (ТЭП) на новую для этого института работу по рекомендации известного там специалиста, знавшего меня по моей работе в «Мосэнерго».)

Любопытно, что в сильно бюрократизированном обществе коррупция может в некоторых случаях сыграть и положительную

роль: инертность чиновнической системы, отсутствие у неё стимула что-либо делать может быть счастливо пересилены подкупом, взяткой, по терминологии Сухово-Кобылина – типа сельской. Чиновничья система выглядит как механизм, который, чтобы двигался, нужно смазать. Отсюда и совет: чиновников надо «смазать», систему «подмазать».

По обвинению в коррупции немало российских чиновников уже оказалось в тюрьмах, и этот процесс, похоже, набирает обороты, но цель этих действий сверху – скорее не противодействие безобразию, а стремление исключить из коррупционной системы чужих, которым не доверяют, от которых не ожидается должных коррупционных заказов и соответствующих откатов. Система может отторгнуть также тех, кто «берёт не по чину» или не заносит, и совсем редко тех, кто совершает беспримерную глупость, компрометирующую руководство.

Применительно к обществу, где, как в России, наряду с государственной экономикой имеется частное предпринимательство, можно назвать по крайней мере три условия, соблюдение которых препятствует сильному развитию коррупции:

- государство с его чиновничьим аппаратом в минимальной степени распределяет ресурсы страны,
- имеются свободно действующие средства информации, не зависящие от правительства,
- функционирует система правосудия, не зависящая от правительства, партий и коммерческих организаций и действующая на основе разумных законов.

Трудно поверить, что соблюдение всех этих условий где-либо достижимо в полной мере. Так, многое может финансироваться только государством, например оборона или всеобщее образование. Средства информации вольно или невольно в большей мере транслируют взгляды правящей в данное время партии, а не оппозиции (такое мнение высказывается, например, по поводу обоих общественных каналов радио и телевидения Германии).

Правящая партия во многих странах может оказывать влияние на состав судей и, следовательно, на правосудие. Для него, по-видимому, ещё опаснее тенденциозность неопределённо сформулированных, но жестоких законов, на основании которых допустимо засудить кого угодно за какие угодно действия, никакого отношения к криминалу не имеющие.

Интересен пример на редкость одиозного закона – принятой в 2013 году статьи 148 российского УК. Она сформулирована как будто гуманно:

*«Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий
1. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, – наказываются...»* от штрафа до тюрьмы.

Однако за этим набором слов скрывается намеренная неопределённость. В этой формулировке не ясно многое. Подлежат ли наказанию два указанных в статье действия (неуважение и оскорбление как цель) только вместе или по отдельности тоже? Затем, как различить, выражает ли некое публичное действие неуважение к обществу, явное или не очень? Как доказать, было ли целью действия оскорбить или лишь вразумить? И, наконец, что такое религиозные чувства верующих. Ведь одни свято верят в загробную жизнь, другие – в её отсутствие (а сотни верующих Свидетелей Иеговы тем временем сидят по тюрьмам). Одни целенаправленно подменяют веру в Б-га своей едва ли не религией в виде национал-социализма, другие – коммунизма, а третьи – верой ещё и в «социализм с человеческим лицом». Одни видят религиозно одобряемой только семейную деятельность женщины (у немцев – старинное «три К»: Kinder, Küche, Kirche), для других приемлема только общественная. Одним их религия предписывает рожать детей только в браке, другие верят, что это необходимо как раз до брака, а третьи брака вообще не признают, ни религиозного, ни светского. Одни молятся национальному единству общества и войне (как РПЦ), другие – открытым границам и

мультикультурализму (как католик Папа). Так что же, повинуюсь этому закону о свободах, никому нельзя, как говорилось прежде, «пустить дурака»?

Поскольку жизнь общества устроилась сложно и разнообразно, коррупция существует в любом обществе. Но её уровень существенно различен.

Обращаясь к России, приходится с сожалением констатировать, что она никогда не отвечала и ни в какой мере не отвечает ни одному из названных выше условий, и поэтому уровень коррупции в ней столь значителен, что коррупция стала чуть ли не общепринятым способом жизнедеятельности. Конечно, эта ненормальность рядом с прочими проблемами (самовластье, жёсткая централизация...) вполне ощутимо препятствует развитию общества.

Чиновники и их решения, их позволения или непозволения, тем более значимы, чем экономика управляется централизованней, что создаёт простор для чиновничьих appetites, соответственно которым назначаются стоимости государственных заказов и суммы откатов, а также прејскурант услуг за взятки. Отсюда, коррупция есть явная помеха экономике. Порок этой системы, однако, не столько в прямом убытке казне (давно сказано: Россия велика, её не разворуешь!) сколько в том, что, в сущности, реальная цель работы многих чиновников – получение максимума откатов и взяток, а отнюдь, скажем, не полезность заказов или контроль за эффективностью их выполнения. Подмена целей разъедает систему управления государством, делает её неэффективной.

Кто в России обличает коррупцию снизу, а это отдельные лица или общества (яркий пример – Фонд борьбы с коррупцией, созданный погибшим за это А. Навальным), тот, естественно, стремится улучшить общественные нравы, повысить эффективность экономики и, следовательно, доходы предпринимательства, наёмных работников и казны. Но, если бы эта деятельность

привела к успеху, то этот успех вряд ли пошёл бы на зарплаты или на пенсии старушкам. Вероятнее иное: возникли бы дополнительные дворцы богачей и чиновников, причём не в стране, и, что много хуже, расцвели бы ещё пышнее милитаристские забавы империализма (ракеты и прочее) и всяческие «органы».

Антикоррупционная деятельность полезна в любом обществе, но в существующих российских обстоятельствах она вряд ли существенна для мирного развития экономики и улучшения жизни народа. Эта деятельность имеет иной смысл. Во-первых, наглядно выявляя привластную коррупцию, она способствует ограничению своеволия власти, и это важно. Во-вторых, она является именно деятельностью, т.е. тем занятием, вокруг которого происходит переход от разговоров к организации. В связи с этим вспоминается, как В. Ленин выразился относительно издаваемой им за границей газеты «Искра»: «Газета есть не только коллективный агитатор, но и коллективный организатор». Верно, и именно подобное обстоятельство напугало власть и вызвало решительные репрессии против структуры антикоррупционных ячеек и её вдохновителя.